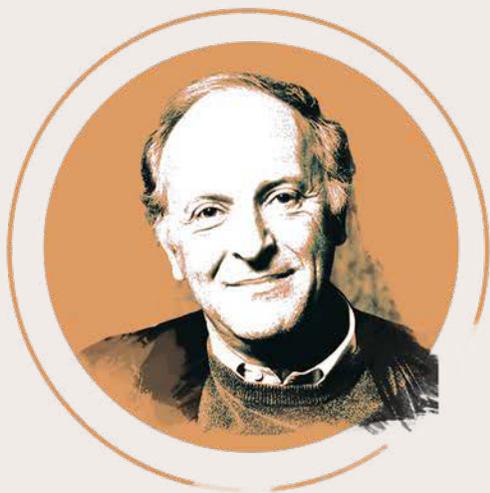

Виктор Финкель

ГДЕ СУЕТОЮ ДУХ НЕ ОЗАБОЧЕН

Избранные работы

Виктор Финкель

ГДЕ СУЕТОЮ ДУХ НЕ ОЗАБОЧЕН

Избранные работы

БОСТОН • 2025 • ЧИКАГО

ВИКТОР ФИНКЕЛЬ

Где суетою дух не озабочен

Избранные работы

Редактор Юлия Тимошенко

Copyright © 2025 by Viktor Finkel

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-960533-72-2

Название книги «Где суетою дух не озабочен» заимствовано из книги Данте «Божественная комедия», Рай. Песнь XVI. 5 / Пер. М. Лозинского. — М.: Художественная литература, 1967.

Published by M•Graphics | Boston, MA

☐ www.mgraphics-books.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

Cover Design by Larisa Studinskaya

Author's photo by Michael Polyakov

Book Design by Bagriy & Company | Chicago, IL

☐ www.bagriycompany.com

✉ printbookru@gmail.com

Printed in the United States of America

Сердечно благодарю:

Анну Макарову

Михаила Полякова

Татьяну Полякову

Михаила Финкеля

Ривку Стрельников

за помощь при подготовке книги к печати

Содержание

Глава I. Данте	11
«Божественная комедия», Ветхий завет и евреи (авт.: Виктор Финкель и Ривка Стрельников)	13
Глава II. М. Ю. Лермонтов	49
Величайшая вневременная поэзия. Космическая поэтическая душа	51
Глава III. Б. Л. Пастернак	159
«Текучим сердцем наземь капишь»	161
Властитель метафоры. Метафоричность и естественно-научная ветвь поэзии Бориса Пастернака	192
Образность и эмоциональность в поэзии Бориса Пастернака	232
Лирика, чувственность, нежность, интимность в поэзии Бориса Пастернака	241
Глава IV. И. А. Бродский	249
«В больших амфитеатрах одиночество»	251
Эмиграция и свобода	255
Условия формирования личности поэта и его самосознание.	274
Представления о грядущей смерти	293
Пространство и время	307
Внутреннее пространство. Душа. Самооценка собственной поэзии	319
Интеллектуальная: мудростная, шахматная, физическая, геометрическая и числовая компоненты поэзии	329

Лирика348
Поэтический инструментарий361
Приложение.	
Образность, сравнения, метафоры и определения в поэзии Иосифа Бродского383

*На «вы», как в Риме стали величать,
Хоть их привычка остаётся зыбкой,
Повёл я речь, заговорив опять;*
**Данте, «Божественная комедия»,
Рай. Песня шестнадцатая, 10**

*Я начал так: «Вы – прародитель мой;
Вы мне даёте говорить вам смело;
Вы дали мне стать больше, чем собой.*
**Данте, «Божественная комедия»,
Рай. Песня шестнадцатая, 16**

Глава I
Данте

«Божественная комедия», Ветхий завет и евреи*

Виктор Финкель и Ривка Стрельников

76. У вас есть Ветхий, Новый есть Завет,

...

Вот путь спасенья, и другого нет.

Данте. Р., V, 76

34. Потом он начал: «Если мой ответ

Ты примешь в разуменье, сын мой милый,

То сказанному «как» прольётся свет.

Данте. Ч., XXV, 34

46. «Скажу, что видит разум, — он в ответ. —

А дальше — дело веры;

Данте. Ч., XVIII, 46

Отношение Данте к евреям по различным оценкам колеблется в широчайшем диапазоне. В шестом томе шестнадцатитомной «Еврейской Энциклопедии Брокгауза — Ефрона», издававшейся в 1908–1913 гг., имеется следующая лаконичная, но весомая статья, к которой мы добавили лишь перевод М. Лозинского:

«Данте, Алигьери (1265–1321) — величайший поэт Италии. Некоторые исследователи предполагают, что Данте был знаком с древнееврейским языком, ввиду того что в его „Divina Comedia“ встречаются слова: El, Eli, Malacoth и др. Тёмные и непонятные два стиха: „Pape satan, pape satan, aleppe“ (Inferno, VII, I) и „Raphel, mai amech izabi almi“ (ibid., XXXI, 67), могут быть, по мнению исследователей, переведены точно, если допустить, что они состоят из еврейских слов. По мнению

* Опубликовано: Финкель Виктор, Поляков Ривка. «Божественная комедия», Ветхий завет и евреи // Заметки по еврейской истории. — № 5 (140), 2011, май.

С. Луццатто и др., в „Divina Comedia“ имеются явные указания на то, что Д. относился к евреям вполне доброжелательно.

При этом ссылаются на стих (Parad., V, 80):

Uomini siate, e non pecore matte,
Si che'l Giudei tra voi di voi non rida

79. А если вами злая алчность правит,
Так вы же люди, а не скот тупой,
И вас меж вас еврей да не бесславит!
Р., V, 79–81. Перевод М. Лозинского

(„Будьте людьми, а не глупыми овцами, иначе евреи, обитающие среди вас, вас высмеют“). В первой части трилогии Данте с глубоким сожалением и грустью взирает на распятого Каиафу, которого он считает виновником всех бедствий еврейского народа. „Divina Comedia“ Д. нашла в еврейской литературе многочисленных подражателей. Современник и друг Д. Иммануил Римский написал по образцу трилогии Д. поэму „Tofeth wa-Eden“ („Ад и рай“); Моисей Риети сочинил около 1400 года поэму в восьми песнях „Mikdasch Meat“ (Малое святилище); в 1715 году появилось „Tafte Aruk“ (l'Inferno figurato in rima) Моисея Закутто; Яков Даниил Уламо написал (около 1720 г.) поэму „Eden Aruch“ (Il Paradiso), а в 1869 году Саул Формиджини (Formigginì) издал еврейский перевод первой части трилогии Д. под заглавием „Maroth Elohim“ (об отношениях Д. к Иммануилу— см. Иммануил Римский).— Ср.: Jew. Enc. IV, 435 (указана обширная литература); Gùdemann, Gesch. d. Erz. in Italien, 137 et seq.; F. Delitzsch, Gesch. d. jüd. Poesie, 54, 72–73; Г. Красный, „Иммануэль Римский и Данте“, „Восход“, 1906, I–III».

Добавим здесь же, что перевод «Божественной комедии» на иврит был, в частности, выполнен Владимиром Жаботинским, писавшим, кстати, на русском, иврите и французском. Более того, принято считать, что итальянские евреи не расставались с Торой и томиком Данте [2]. Евгений Беркович [3–5] пишет об экстремальном развитии этого итальянского лексического оборота. Речь идёт о знаменитом итальянском поэте, прозаике, эссеисте и переводчике, еврее по происхождению Примо Леви. Во время Второй мировой войны он был членом антифашистской организации, действовал в составе партизанской группы,

был арестован в 1943 году и одиннадцать месяцев провел в Освенциме. После освобождения советской армией из шестисот пятидесяти итальянских евреев в лагере смерти выжили лишь двадцать, Леви — в их числе. Так вот Евгений Беркович отмечает, что Леви носил с собой в Освенциме не Тору, а томик Данте! А уж им ли, итальянским евреям, не чувствовать неприязнь к евреям, если бы она у Данте была?

Известный специалист Н.Елина [6] пишет: «Касаясь религиозных воззрений в литературе, естественно встаёт вопрос, каково отношение Данте (1265–1321) к евреям. В его поэме «Комедия» (1307–1321) выясняется, что он еврейской темы почти не касался. К евреям доевангельской эпохи он относится с великим почитанием: так, в райские сферы он помещает праматерей Сару, Ревеку, Рахель, а также Юдифь и Руфь. Осуждает он, кроме Иуды, только первосвященника Каифу: согласно Евангелию, он дал дурной совет фарисеям погубить Иисуса, а это навлекло кару на всех евреев. О современных ему евреях Данте упоминает лишь мимоходом в поучение христианам, «чтобы те не вели себя, как обезумевшие овцы, над которыми посмеется иудей». Показательно, что даже в тех адских кругах, где мучаются обманщики, ростовщики, еретики (среди них Магомет) евреев нет, нет их и ни в каких уподоблениях. Совершенно ясно, что Данте юдофобией не страдал». И, судя по дальнейшему тексту Н.Елиной, это не случайно. «Другой итальянский классик Джованни Боккаччо (1313–1375), флорентиец, как и Данте, один из родоначальников Возрождения и автор «Декамерона», открыто симпатизировал евреям. Это, очевидно, не противоречило веяниям, господствовавшим в образованной флорентийской среде, в которой он вращался. Проявляется оно уже в самом начале книги, во вступлении. Описывая «чёрную смерть», обрушившуюся и на Флоренцию, Боккаччо, в отличие от голосов, раздававшихся во Франции и в Германии, обвинявших евреев в распространении чумы и вызвавших страшные погромы, ни слова не произносит о том, что евреи причастны к этому бедствию. По-видимому, этот навет не имел хождения во Флоренции». Его еврейские персонажи выступают в положительном свете: «Он был в большой дружбе с одним очень богатым евреем по имени Авраам, также купцом и очень честным и прямым человеком» [18]. Другой персонаж Боккаччо [19] ростовщик из Алесандрии Мельхиседек. Султан Египта

Саладин — образец рыцарских доблестей и царственной мудрости — обращается к нему так: «Почтенный муж, я слышал от многих лиц, что ты очень мудр и глубок в божественных вопросах». Впоследствии между ними установилась дружба. В нашем контексте это значимо потому, что эта позиция Боккаччо, по-видимому, отвечала мнениям интеллигенции Флоренции.

Л. Поляков [12] отмечает, что в Италии вплоть до начала XIV века евреи замыкались в мире ремесла и мелкой торговли. «Так что когда Фома Аквинский писал о „еврейском ростовщичестве“, то он приводил Италию как пример страны, где евреи работают своими руками. Данте, описывавший в „Божественной комедии“ ростовщиков, терпевших муки в седьмом круге ада, вызывал в памяти имена крупных флорентийских семейств своего времени, он не упоминал евреев». Заполянский [7], полагает, что «поэма создана человеком... из круга великих мыслителей иудаизма, а озарения третьей книги поэмы — „Рай“ — я воспринял как медитацию человека, знакомого с каббалой, знающего её философию и даже метод...» В. Финкель и Р. Поляков [8], приходят к заключению, что евреи — частые и желанные гости на страницах «Божественной Комедии».

С другой стороны, П. Антонетти [9] задаётся вопросом: «Можно ли назвать Данте антисемитом?» — и отвечает на него словами Лэ Гоффа [10]: «Он лишь выражал суждения относительно иудаизма, распространённые среди христиан его, да и не только его, времени и основанные на Новом Завете». Цитируется при этом и Давидсбон [11], согласно которому «каждый раз, когда он говорит о еврейском народе, «звучит нота проклятия по адресу этого неверного народа».

Для того, чтобы понять истинное отношение Данте к Ветхому Завету и евреям, необходимо, прежде всего, описать время Данте и господствующую в нем идеологию. Весьма обстоятельно это сделано Леоном Поляковым [12]: «На протяжении столетий папство старалось заставить христианских правителей соблюдать учение отцов церкви относительно евреев. Это учение включало две основные части; одну из них составляло требование об обязательном сохранении остатков иудаизма, а другую — не менее обязательное унижение евреев. Множество раз правящие понтифики энергично выступали против избиений и преследований евреев, но столь же постоянными были их предостережения относительно евреев и их влияния,

адресованные всему христианскому миру, предостережения, из которых бесчисленные христианские сердца извлекали кровавые выводы. В целом, роль папства можно сравнить со стабилизатором, враждебным по отношению к евреям, когда их положение было таким же, или даже лучшим, чем у христиан (например, в эпоху расцвета средневековья, а также в XIX веке, когда позиция Ватикана была более сдержанной), но покровительственным в тех случаях, когда их положение ухудшалось сверх всякой меры и становилось поистине невыносимым (например, в конце средних веков или во времена гитлеризма)».

В конце VI века папа Григорий Великий, который хотел обратить евреев без применения насильственных мер, постановил, что ничто не должно изыматься из тех прав, которые предоставило евреям христианское законодательство, но и ничто не должно быть к этому добавлено. Эта формула «Sicut Judeis...» («подобно иудею»...) стала золотым правилом папства в этой области [12]. Ещё более распространенными были папские анафемы, направленные против евреев, предостережения против их влияния и хитростей, стремление воздвигнуть между христианами и евреями барьер, во имя вечного рабства отвергнутого народа. Вот как итожит политику Рима Л.Поляков [12]: «Публикуя буллу покровительства «Sicut Judeis...», папа Иннокентий III предпослал ей следующую преамбулу: «Хотя неверность евреев заслуживает бесконечного осуждения, тем не менее, верные христиане не должны их преследовать слишком сильно. Ибо в Псалмах сказано: «Не убивай их, чтобы мой народ не забыл этого». Иначе говоря, не следует полностью уничтожать евреев, чтобы христианам не угрожала опасность забыть Закон, который неумные (эти евреи) хранят в своих мудрых книгах...».

На что опиралось внедрение этих постановлений в жизнь? Инструментом борьбы с ересями и евреями служила инквизиция [9], обязанности которой во Флоренции исполняли франсисканцы монастыря Санта Кроче, монахи в серых сутанах, парами ходившие с оружием в руках по улицам города в сопровождении нотариуса, под пытками вырывавшие признания, а затем подвергавшие виновных различным наказаниям (от денежного штрафа до сожжения на костре)... Инквизиция заставляла всех, не исключая и аристократов, бояться себя. Тем более, что имущество осужденных еретиков делилось между папством, инквизицией и коммуной. Итак, страх, страх и страх

отклониться от навязанной Ватиканом и принятой обществом точки зрения!

Что облегчало положение Данте, поскольку речь идёт о евреях? До 1159 года во Флоренции не было евреев вообще. Появились они во Флоренции лишь в начале XV века [9]. Таким образом, во времена Данте (1265–1321) евреев во Флоренции не было или практически не было. Это означает, что сколь ни будь значительного личного опыта общения с евреями у Данте не было. Это и видно из «Божественной Комедии». Ну и, наконец, главное. Во все времена положение итальянских евреев в целом составляло для Европы совершенно исключительный случай. «В средние века их история не была «Долиной слез»; в новое время Италия не знала «еврейского вопроса» — там были верующие иудеи, гармонично интегрированные в среду своих соотечественников. В наши дни, как в Риме, так и в других местах, для человека с улицы в самом крайнем случае еврей — это симпатичный чужак, который ещё ожидает прихода Мессии» [12]. Поэтому в прошлом веке немецкие учёные, исследовавшие еврейскую историю, язык и культуру, называли Италию «еврейской страной. Именно Италия стала тем местом в Европе, где сохранилась еврейская традиция в «тёмные века» (V–X века н.э.), именно из Италии она перешла к евреям Германии и Восточной Европы и расцвела как традиция ашкеназийская [13].

Евгений Беркович [3–5] сообщает ошеломляющие подробности о том, каким образом итальянские фашисты спасали евреев: «Конечно, итальянцы, как любой народ, не являются поголовно праведниками. Но была такая история, в которой одни люди пытались спасти других... Итальянские дипломаты, военные и чиновники могли просто не участвовать в спасении евреев, что фактически означало бы пособничество в их убийстве. Но они не считали себя вправе остаться в стороне. И зло на этот раз не победило». «В нашем сознании слово „концлагерь“ прочно связано с ужасами Освенцима и ГУЛАГа. Условия жизни евреев в лагере под защитой итальянцев разительно отличаются. Здесь было организовано нечто подобное большому кибуцу на европейской земле. Зоны в лагере разделили на кошерные и некошерные. Почти каждая еврейская семья жила в отдельном домке...» «Итальянские фашисты не считали евреев своими врагами... В новой истории националисты, либералы и евреи имели общего врага — папство и реакционное католи-

чество. Объединение Италии и ликвидация средневековых гетто происходили одновременно». «То, что двигало итальянцами в отношении евреев в годы фашизма, можно было бы назвать „банальностью добра“. В душах многих людей сохранился определённый порог порядочности, перейти который они не могли даже по приказу дуче. Престиж нации, совесть и человечность оказались не пустыми словами для многих итальянцев — от простых солдат до генералов и министров». «Когда осенью 1943 года эсэсовцы вошли в концлагеря во Франции, они не нашли там почти ни одного еврея. Как и в Хорватии, итальянские военные, рискуя жизнью, позволили заключённым скрыться. Тысячи евреев смогли через Ниццу и Марсель отплыть в Америку или Палестину. Многие бежали в горы северной Италии или примкнули к отрядам французского Сопротивления».

Итак, итальянский народ, в целом, на протяжении последних полутора-двух тысячелетий оказался мудрее, толерантнее и попросту совестливее, лучше и приличнее своих духовных пастырей — Ватикана, папства и реакционного католичества. Если таким оказался народ, то каким же должен был быть самый умный и выдающийся человек итальянского народа — Данте? Этому гению из гениев попросту не нужен был антисемитизм — удел убогих, обездуховленных и ущербных! Мы осознаём, что этот аргумент — не доказательство, но, безусловно, один из путей к доказательству!

Для выяснения истинного отношения «Божественной комедии» к еврейскому народу проведён анализ великого произведения [14] и комментариев переводчика (М.Лозинского) [15] по трём направлениям. Прежде всего исследуется отношение Данте к персонажам Ветхого Завета и к собственно Ветхому Завету. Далее рассматривается положительное и отрицательное отношение Данте к евреям ВНЕ Ветхого Завета. Эти материалы итожатся в трёх *таблицах* (1–3), посвящённых Раю, Чистилищу и Аду.

Ад

В «Божественной комедии» ад представляет собой девять кругов, чем ниже круг, тем серьёзнее грехи, совершённые человеком (Википедия):

- I круг (Лимб) — некрещёные младенцы и добродетельные нехристиане.
- II круг — сладострастники (блудники и прелюбодеи).
- III круг — чревоугодники, обжоры и гурманы.
- IV круг — скупцы и расточители.
- V круг (стигийское болото) — гневные и ленивые.
- VI круг — еретики и лжеучители.
- VII круг:
 - I пояс — насильники над ближним и над его достоянием (тираны и разбойники).
 - II пояс — насильники над собою (самоубийцы) и над своим достоянием (игроки и моты).
 - III пояс — насильники над божеством (богохульники), против естества (содомиты) и искусства.
- VIII круг. Обманувшие недоверившихся. Состоит из десяти ровов (Злопазухи, или Злые Щели):
 - I ров. Сводники и обольстители.
 - II ров. Льстецы.
 - III ров. Святокупцы, высокопоставленные духовные лица, торговавшие церковными должностями.
 - IV ров. Прорицатели, гадатели, звездочёты, колдуньи.
 - V ров. Мздоимцы, взяточники.
 - VI ров. Лицемеры.
 - VII ров. Воры.
 - VIII ров. Лукавые советчики.
 - IX ров. Зачинщики раздора.
 - XX ров. Алхимики, лжесвидетели, фальшивомонетчики.
- IX круг — обманувшие доверившихся.
 - Пояс Каина. Предатели родных.
 - Пояс Антенора. Предатели родины и единомышленников.
 - Пояс Толомея. Предатели друзей и сотрапезников.
 - Пояс Джудекка. Предатели благодетелей, величества божеского и человеческого.

Сам Сатана.

Итак, чем грех материальнее, тем он простительнее.

Обратимся к анализу текста «Ада». Ветхий Завет и его персонажи присутствуют в двенадцати песнях из тридцати четырёх. При этом отношение Данте к этому богатству не просто уважительное, оно благоговейное. По этому поводу И. И. Гарин [16]

пишет: «Он (Данте) считал книги Ветхого и Нового Заветов богодухновенными и отдавал явное предпочтение Ветхому Завету». Тогда возникает естественный вопрос, почему же все герои Ветхого Завета помещены Данте в Ад? Ответ состоит из двух частей. Первая. Согласно структуре католического Ада, в его первом круге (Лимбе) пребывают души младенцев, умерших без крещения и души всех добродетельных нехристиан. Поэтому в Аду оказываются: Адам, Авель, Ной, Авраам, Израиль (Яков), Исаак, Рахиль, Моисей, Давид, Даниил, Илия, Иосиф...

33. Знай, прежде чем продолжить путь начатый,

34. Что эти не грешили; не спасут
Одни заслуги, если нет крещенья,
Которым к вере истину идут;

37. Кто жил до христианского ученья,
Тот бога чтит не так, как мы должны.

A., IV

Эту мысль Данте развивает и в (XIX, 70–84):

70. Ты говорил: «Родится человек
Над берегом Инда; о Христе ни слова
Он не слышал и не читал вовек;

73. Он был всегда, как ни судить сурово,
В делах и в мыслях к правде обращён,
Ни в жизни, ни в речах не делал злого.

76. И умер он без веры, не крещён.
И вот он проклят; но чего же ради?
Чем он виновен, что не верил он?»

79. Кто ты, чтобы в судейском сев наряде,
За много сотен миль решать дела,
Когда твой глаз не видит дальше пяди?

Этот явный выпад в сторону Ватикана (Данте неоднократно называет католическую церковь распущенной шлюхой и во-

ровкой, поджаривает римских пап на костре) Данте завершает терциной, смиряющей церковное своеволие:

82. Все те, чья мысль со мною вглубь пошла,
 Когда бы вас Писанье не смиряло,
 Сомненьям бы не ведали числа.

Как и всегда на всём протяжении «Божественной комедии» Библия для Данте — прежде всего [16] нравственная узда, способная усмирить дьявольское начало в человеке. Сверхзадачей поэмы было усилить Библию визуализацией зла и добра, продемонстрировать торжество духа и благородство любви»:

76. У вас есть Ветхий, Новый есть Завет,
 ...
 Вот путь спасенья, и другого нет.

P., V, 76

Но существует и вторая часть ответа. Вот она. Данте воспользовался христианской легендой, согласно которой Христос (Властитель) между своей смертью и воскресением сошёл в ад, разбил адские врата, когда дьяволы преградили ему путь, и вывел оттуда ветхозаветных святых в Рай, открывшийся для людей с искуплением первородного греха.

52. «Я был здесь внове, — мне ответил он, —
 Когда при мне сюда сошёл Властитель,
 Хоруговью победы осенён.

55. Им изведён был первый прародитель;
 И Авель, чистый сын его, и Ной,
 И Моисей, уставщик и служитель;

58. И царь Давид, и Авраам седой;
 Израиль, и отец его, и дети;
 Рахиль, великой взятая ценой;

61. И много тех, кто ныне в горнем свете,
 Других спасённых не было до них,
 И первыми блаженны стали эти».

A., IV

Здесь первый прародитель — Адам. Подтверждается эта же мысль и позднее в Песне XII:

37. Но перед тем, как в первый круг геенны
Явился тот, кто стольких в небо взял,
Которые у Дита были пленны,

К кому из персонажей Ветхого Завета Данте относится явно осуждающе? Прежде всего, это Каин, Ахитофел, поощрявший Авессалома восстать против своего отца, царя Давида и жена Потифара, царедворца фараона, оклеветавшая Иосифа перед своим мужем. Но эти персонажи осуждает и Ветхий Завет! Согласуется точка зрения Данте с библейской и в отношении царя Немврода*, который решил построить Вавилонскую башню до небес (А., XXXI):

76. ...
То царь Немврод, чей замысел ужасный
Виной, что в мире не один язык.

Одобрительно относится Данте и к искони еврейской терминологии, внедрившейся в христианские богослужения (Аллилуйя).

Из персонажей, не относящихся к Ветхому Завету, однозначным является негативизм Данте к Иуде Искариоту, который предал Христа. Он казнится в Иудином пределе — Джудекке, центральном круге ледяного озера Коцит в самой глубине Ада. Это последний, четвёртый пояс или, точнее, центральный диск девятого круга Ада. Здесь казняются предатели своих благодетелей. Они вмёрзли в недра льда. Речь об Иуде идёт в трёх песнях:

25. ...
Сквозь эти стены был я снаряжён
За пленником Иудина предела.

28. Всех ниже, всех темней, всех дальше он
От горней сферы, связь миров кружащий;
IX, 26–27

* Немрод Немврод (др. евр. «восстанем») — сын Хуша, сына Хама, основатель Вавилона.

Глава II
М. Ю. Лермонтов

Год назад главный редактор, доктор Евгений Михайлович Беркович (Dr. Evgueni Berkovitch) предложил мне написать статью о двухсотлети со дня рождения М. Ю. Лермонтова для публикации на страницах Портала.

Это была суровая, тяжёлая... но радостная работа.

Я глубоко признателен Е. М. Берковичу за это лестное предложение.

В. Финкель

Величайшая вневременная поэзия Космическая поэтическая душа*

К двухсотлетию рождения
Михаила Юрьевича Лермонтова

Кто близ небес, тот не сражён земным.

М. Ю. Лермонтов, 1831-го июня 11 дня

*Как часто силой мысли в краткий час
Я жил века, и жизньию иной,
И о земле позабывал. Не раз
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакал. Но создания мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существ земных;
О нет! Всё было ад иль небо в них!*

М. Ю. Лермонтов, Странный человек

*А много было взору моему
Доступно и понятно, потому
Что узами земными я не связан,
И вечностью и знанием наказан...*

...

*Ловил мой слух летучие слова,
Отрывки безыменных чувств и мнений —
Эпиграфы неведомых творений!..*

М. Ю. Лермонтов, Сказка для детей

Третьего октября (15 октября) 1814 года — день схождения из божеских пространств на Землю величайшей души, поселившейся в теле Михаила Юрьевича Лермонтова!

Если вы спросите, как я лично отношусь к Лермонтову, я задержусь лишь на мгновение: к Мише, Мишеньке, Май-

* Опубликовано: *Финкель В.* Величайшая вневременная поэзия. Космическая поэтическая душа. К двухсотлетию рождения Михаила Юрьевича Лермонтова // Мастерская. — 3, 9, 15 октября 2014.

ошке, Михаилу Юрьевичу??? К этой великой поэтической душе, к этому волей счастливого случая и благорасположенному к нам, землянам, Господнему решению, к этому чудесному и незабываемому гостю на нашей планете? К этому юдофилу? Я встану на колени!!!

А теперь — не торопясь, обстоятельно и подробно в путь по его волшебной поэтической и космической радуге... По его великому — Млечному и трагическому — земному пути!

Хотя М. Ю. Лермонтов и писал о душах:

Творец из лучшего эфира
Соткал живые струны их,
Они не созданы для мира,
И мир был создан не для них!

никому точно не известно, как устроена душа. Но нет никакого сомнения, что она существует и является синапсом между мирами: космическим божеским и греховным — земным. Просто говоря, она представляет астральный мир в человеке. Судя по уровню поэзии и прозы Лермонтова, это была одна из совсем немногих подлинно гениальных поэтических душ, когда бы то ни было подаренных человечеству.

Космическая поэтическая душа многомерно велика и не вмещается в человеческое тело. Она простирается далеко за его пределы и во всех смыслах «задевает» всё окружающее и всех окружающих. Она не вмещается не только в человека, но и в человеческое общество, в государство и даже в самую Землю.

Не представляется возможным ответить на вопрос, в какой мере выдающаяся личность М. Ю. Лермонтова была автономной и способной осуществлять своё поэтическое предназначение вне прямого влияния божественной души. Однако последующий анализ творчества М. Ю. Лермонтова приводит нас к удивительному заключению о том, что внутри, безусловно, единой поэзии М. Ю. Лермонтова существуют по меньшей мере две компоненты поэзии Лермонтова. И обе — великие. Другими словами, гениальный поэт и гениальный писатель Лермонтов создал две взаимосвязанные творческие вселенные М. Ю. Лермонтова, два поэтических космоса М. Ю. Лермонтова, две ипостаси. О подобном делении свидетельствуют прежде всего два Лермонтовских определения поэта. Вот первое из них:

Таков поэт: чуть мысль блеснёт,
Как он пером своим прольёт
Всю душу; звуком громкой лиры
Чарует свет...

Поэт, 1828

Оно является основой первой компоненты Лермонтовской поэзии — великолепной, лирической, нежной, щемяще-сердечной, мудрой и прекрасной земной поэзии М. Ю. Лермонтова-человека и отвечающей ему лирической компоненты его Души.

Второе определение поэзии имеет принципиально иной характер:

Отделкой золотой блистает мой кинжал;
Клинок надёжный, без порока;
Булат его хранит таинственный закал
Наследье бранного востока.

Наезднику в горах служил он много лет,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провёл он страшный след
И не одну прорвал кольчугу.

Теперь родных ножен, избитых на войне,
Лишён героя спутник бедный;
Игрушкой золотой он блещет на стене —
Увы, бесславный и безвредный!

...

Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы;
Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимиам в часы молитвы.

Твой стих, как божий дух, носился над толпой;
И, отзвук мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой,
Во дни торжеств и бед народных.

Поэт, 1838

Представляется, что это трагическое определение—продукт, условно говоря, демонической компоненты поэтической души М. Ю. Лермонтова. И обе эти творческие ипостаси—прекрасны. Обе они великие и обе—вневременные!

Именно этот удивительный литературный феномен—беспрецедентный литературный дуализм—сосуществующие поэзии человека (человеческой, гуманоидной, лирической компоненты души) и демонической компоненты души,—и определяет гениальность чудесного, величайшего мирового поэта и прозаика—Михаила Юрьевича Лермонтова.

Вместе с тем, в творчестве М. Ю. Лермонтова существуют по меньшей мере два поэтических блока, располагающихся между основными направлениями: лирическим и демоническим. Речь идёт о России и евреях.

В связи с этим рассмотрим следующие подпространства творчества М. Ю. Лермонтова:

I. Лирическое подпространство:

- а. Поэзия и музыка
- б. Лирическая проза

II. Демоническое подпространство:

- а. Самоощущение поэта
- б. Смерть
- в. Разрушение

III. Россия:

- а. Любовь к родине
- б. Пришелец

IV. Евреи

Глава III
Б. Л. Пастернак

«Текучим сердцем наземь капишь»*

Эволюция поэзии и личности
Бориса Пастернака

*Я пишу на пере у творца
Крупной каплей лилового лоска.*

...

*Я креплюсь на пере у творца
Терпкой каплей густого свинца*

Борис Пастернак

Душа моя, печальница

...

Душа моя, скудельница

Борис Пастернак

Когда вы говорите о рядовом поэте, принято привязывать его к стране. И, как правило, это мало о чём говорит. Но когда вы называете великого поэта, ситуация меняется. И потому, что это своего рода второе название страны — Страна Шекспира, страна Уитмена, страна Пушкина, — и потому, что это момент истины, когда, перешагивая через любые территориальные границы и рубежи, великий поэт расширяет поле своей родной страны, своего родного языка и конструирует, создаёт, строит, «шьёт» единое культурное пространство земного шара.

Однако когда вы говорите о великом поэте России, ко всему сказанному следует добавить ещё одно и далеко не маловажное

* Опубликовано:

Финкель В. Эволюция поэзии и личности Бориса Пастернака. Доклад в Корнельском университете. — Итака: Март 2001. — Mid-Atlantic Slavic Conference of the AAASS.

Финкель В. Борис Пастернак. Трагедия великого поэта // Слово/Word. — 2006. — № 53.

Финкель В. Эволюция поэзии и личности Бориса Пастернака // Еврейская жизнь. — Филадельфия. — 13 (32), 14(33) 2001.

обстоятельство. Великий поэт России—это, как правило, страдалец. Пушкин, Лермонтов застрелены на дуэли, будучи совсем молодыми людьми. Цветаева напрямую доведена до петли. Мандельштам уничтожен в ГУЛАГе. И в этом ряду Пастернак ещё «счастливеец»—он умер в собственной постели (сопоставьте с Мандельштамом, выброшенным, возможно, ещё живым на лагерную мусорную свалку и там, вероятно, скончавшимся), хотя его милое отечество сделало всё от него зависящее, чтобы предельно сократить ему жизнь. Уместно обратить внимание, что в России так было всегда—и при царях, и при коммунистах. То есть дело не в конкретном общественном строе, а в глубинной структуре и менталитете страны. При этом совсем не важно, чего хочет собственно поэт. Он может быть преданным стране и социально активным, он может быть внутренним эмигрантом, он может быть русским или инородцем, крещённым или некрещённым—всё это не имеет никакого значения. Если поэт в мировом восприятии преодолел планку и стал подлинно великим—он подлежит уничтожению или жестокой обструкции (Ахматова), почти эквивалентной уничтожению. Такова сверхзадача этой страны. А уж потом, после иссечения и похорон (слово применительно, например, к Мандельштаму совершенно условное—никто не знает, где его могила и есть ли она) начинается его державная «приватизация», приобщение к лику святых, великих патриотов, аборигенов школьных учебников и пр., пр., пр. Впрочем, не спасает от этого государственного пожирания творческого наследия покойного, переваривания и присвоения и внешняя эмиграция. Она позволяет великому писателю физически уцелеть (Бунин, Набоков)—не добрались, понимаешь,—но после его кончины незамедлительно выясняется, что это гордость России, великий патриот земли русской и прочая. К сожалению, некрофильские тенденции такого рода—не случайность и не исключение, это почти что норма страны. Пастернак не избежал этого! После опубликования «Доктора Живаго» он подвергся государственной обструкции. Был затравлен, загнан в угол, иссечён из всех форм признания и тем самым доведён до преждевременной кончины. Самое интересное, что во всей гнусной кампании травли приняла участие, за совсем небольшим исключением, вся литературная элита и общественность страны. Прошло совсем немного времени, и он тем же государством и той же литературной элитой оценён как выда-

ющийся, великий и пр. — тело погребено, хищники свою функцию выполнили, и пришло время обратиться в гиен!

Великая поэзия Пастернака полифонична. Она содержит несколько фундаментальных ветвей, образующих великолепное поэтическое древо, являющееся национальным и мировым достоянием. Базируется оно на мощном стволе из плотной древесины высших редких и ценных сортов, с годовыми кольцами пятитысячелетнего существования народа Библии, на отстое нескольких поколений еврейской творческой интеллигенции, формировавшейся в русской среде, и условно обозначаемом как

Бог, Религия, Душа.

Это направление было названо основным тоном. Этот термин тем более оправдан, что музыкальная тема присутствует в поэзии Пастернака: «И вдруг... сонаты кандалы / Повлѣк по площади Бетховен» (Бетховен мостовых, 1910); «И дом превращается в арфу Эолову» (Марбург, 1916)»; «Теперь бежим сощипывать / как стон со ста гитар» (Дождь, 1917). Тем более, что, вероятно, в представлении поэта он был подобен страдающей гитаре в чуждых ему и злобных руках:

Похож и он на тень гитары,
С которой, тешась, струны рвут.

Нескучный, 1917

Кто знает, может быть, поэт и был Альтом — «стонущим альтом», о котором он писал:

Утончаются взвитые скрепы,
Струнно высится стонущий альт;
...
Этот альт — только дек поднебесий,
Якорями напетая вервь,
Только утренних, струнных полесий
Колыханно-туманная верфь.

Лирический простор, 1913

И на этом могучем стволе основного тона возвышается огромная, чудесная крона из взаимно сплетѣнных, взаимно

облагораживающих и создающих чудесную тень обертонов — гармоник более высоких частот: «И, посвятив соцветьям / Рояля гулкий ритуал» (Опять Шопен не ищет выгод, 1931). В приведённом случае роль обертонов играют соцветья рояля. В «Окно, пюпитр и, как овраги эхом»:

Окно, и ночь, и пульсом бьющий иней
В ветвях, — в узлах височных жил. Окно
И синий лес висячих нотных линий...
Окно, пюпитр и, как овраги эхом, 1931

в роли обертонов — «синий лес висячих нотных линий». Не случайно же писал поэт о рёве гармоник:

Грудь под поцелуи, как под рукомойник!
Ведь не век, не сряду, лето бьёт ключом.
Ведь не ночь за ночью низкий рёв гармоник
Подымаем с пыли, топчем и влечём.
Воробьёвы горы, 1922

Глава IV
И. А. Бродский

Я глубоко благодарен главному редактору доктору Евгению Михайловичу Берковичу за публикацию ряда моих работ о творчестве Иосифа Бродского на страницах портала и за предложение подготовить статью к 75-летию поэта.

Виктор Финкель

«В больших амфитеатрах одиночеств»*

К 75-летию со дня рождения
Иосифа Бродского

*Джон Донн уснул. Уснули, спят стихи.
Все образы, все рифмы. Сильных, слабых
найти нельзя. Порок, тоска, грехи,
равно тихи, лежат в своих силлабах.
И каждый стих с другим, как близкий брат,
хоть шепчет другу друг: чуть-чуть подвинься.
Но каждый так далёк от райских врат,
так беден, густ, так чист, что в них—единство.
Все строки спят. Спит ямбов строгий свод.
Хореи спят, как стражи, слева, справа.
И спит виденье в них летейских вод.
И крепко спит за ним другое—слава.
Спят беды все. Страданья крепко спят.
Пороки спят. Добро со злом обнялось.
Пророки спят. Белёсий снегопад
пространстве ищет чёрных пятен малость.
Уснуло всё. Спят крепко толпы книг.
Спят реки слов, покрыты льдом забвенья.
Спят речи все, со всею правдой в них.
Их цепи спят; чуть-чуть звенят их звенья.
Все крепко спят: святые, дьявол, Бог.
Их слуги злые. Их друзья. Их дети.
И только снег шуришит во тьме дорог.
И больше звуков нет на целом свете.*

Иосиф Бродский

* Финкель В. «В больших амфитеатрах одиночеств». К 75-летию со дня рождения Иосифа Бродского // Мастерская. — 06.07.2015; 13.07.2015; 22.07.2015.

Финкель В. «В больших амфитеатрах одиночеств». К 75-летию со дня рождения Иосифа Бродского // Зарубежные задворки. — 14. 02.2017; 28.02.2017; 14.03.2017; 31.03.2017 (Литературоведение).

Иосиф Бродский — выдающийся русский поэт. Поэт подспудных мыслительных процессов. Поэт, обладавший исключительным, пространственным, многогранным и глубинным интеллектом, направленным на осмысление собственной жизни и жизни как материальной и философической категории вообще. По своим творческим методам Бродский — мыслитель и исследователь. Своего рода естествоиспытатель. Вместе с тем это блестящий поэт, осознававший и осуществлявший несколько десятилетий подряд свою мужественную и трагическую миссию перед русским языком. Вклад его в российскую поэзию и словесность безусловен, признан и канонизирован мировым культурным сообществом и русской литературой.

Иосиф Бродский — носитель уникального, многомерного поэтического дара. Дара монументального! Создатель чудесной поэзии и собственного поэтического пространства.

Поэзия Иосифа Бродского имеет свой доминирующий вектор — она нацелена в глубину процессов в человеческом подсознании, в его иррациональность.

Поэт — эмигрант. Судьба и творчество его оказались пересечены пограничным шлагбаумом, но не зачёркнуты им. Он был вынужден сменить страну проживания и даже континент, но остался верен самому себе, сохранив и развив свой творческий потенциал и создав за рубежом больше, чем на своей родине.

Лауреат Нобелевской Премии.

Иосиф Бродский волею судеб превратился в мировой символ свободы вообще и символ свободы личности, особенно творческой, в частности.

Иосиф Бродский вошёл в мировую поэзию не просто как один из тысяч поэтов. По независящим от него причинам он оказался символом противоборства двух гигантских и жестоко и бескомпромиссно противостоящих друг другу политических систем. Его трагическое положение между молотом и наковальной могло привести к фатальному исходу сразу же. Но, к счастью, не привело, так как правила игры на Востоке

и Западе были разными. Если первый в безумном, греховном и нескончаемом поиске тех, «кто не с нами», стремился превратить каждую незаурядную или просто творческую личность в своего врага, а вслед за тем, по возможности, незамедлительно расправиться с ним, то второй — активно перетягивал их на свою сторону и предоставлял им возможность быть самими собою. Только и всего. Но только воистину творческая личность осознаёт и оценивает, что это такое — быть самим собой! Кто знает, может быть, именно это перетягивание мало-помалу и изменило равновесие весов... Как бы то ни было, однако это глобальное перетягивание каната создавало немалые, а может быть, и принципиальные проблемы перед объектом, работавшим на разрыв. И главной из них была следующая: оказались ли вы в этом положении как удобный и практически весомый рычаг пропаганды, или вы личность и явление, значимое намного больше и длительней, чем локальная и сиюминутная победа в войне политических систем. В отношении поэта это звучало просто: переживёт творчество художника холодную войну или нет? Действо ли это сугубо временное, на потребу дня, как мелкая разменная монета или горсть табака, соли и кайенского перца, брошенная в глаза ненавистному врагу, или событие, определяющее развитие мировой культуры? Очень многие испытания подобной дилеммой не выдержали. Их поэзия и проза оказались сиюминутными и, не имея подлинной художественной весомости, потеряли всякую притягательную силу и значимость незамедлительно после исчезновения противостояния и его атмосферы. По иному обстояло всё это в отношении Иосифа Бродского. Его поэзия обладала высоким потенциалом и оказалась устойчивой к изменившимся временам. Хотя поэт и писал:

Поклясться нерушимостью скалы
на почве сейсмологии нельзя,

выяснилось, что его поэзия была построена на фундаменте, способном выдержать геологические подвижки, землетрясения и цунами, вызванные крушением тоталитарного режима Советского Союза. И теперь уже в политически однополюсном мире она нашла свою нишу и легко и органично вмонтировалась в русскую и мировую поэзию и в частности дала прямые

всходы в англоязычную её ветвь. Чем определяется прочность поэзии Бродского? В первую очередь её многомерностью и интеллектуальностью. Но не только этим. Это поэзия сложного, живого, противоречивого и грешного человека. И поскольку в отсутствии откровенности поэзию Бродского упрекнуть невозможно, это не просто поэзия—это документированная жизнь выдающегося поэта!

Каким образом можно было бы определить поэзию Бродского, её доминирующий вектор? Вертикальная ли это поэзия, направленная к звёздам и космосу? Горизонтальная ли она, скользящая по будничным и житейским обстоятельствам? Ни то, ни другое. В геометрическом смысле это вертикальная поэзия, но... направленная вниз, вовнутрь человека! Она имеет и свою сверхзадачу: анализ «Пространства, живущего заперти», изучение «Парения в настоящем, прошлом и будущем» и, конечно же, осмысление «безмерной одиночества души»! При всём том рассматриваемая система не является изолированной, или, как говорят физики, консервативной, замкнутой. Напротив, она открыта, а потому изучается в связи с внешним пространством в широком смысле этого слова. И это вполне обосновано, ибо, как известно, человек—это личность и её обстоятельства.

Основными фундаментальными строительными блоками, компонентами, лежащими в основе поэзии Бродского и составляющими, и определяющими её, могут быть названы:

1. Эмиграция и свобода.
2. Условия формирования личности поэта и его самосознание.
3. Представления о грядущей смерти.
4. Пространство и время.
5. Внутреннее пространство. Душа. Самооценка собственной поэзии.
6. Интеллектуальная: мудростная, шахматная, физическая, геометрическая и числовая компоненты поэзии.
7. Лирика.
8. Поэтический инструментарий.

Эмиграция и свобода («Коль не подлую власть, то самих мы себя перебором»)

*Паршивый мир, куда ни глянь.
Куда поскачем, конь крылатый?
Везде дебил иль соглядатай
или талантливая дрянь.*

Иосиф Бродский, Яков Гордин

*К лопаткам приросла
бесцветная мишень*

Иосиф Бродский

*сорвись все звёзды с небосвода,
исчезни местность,
всё же не оставлена свобода,
чья дочь — словесность.
Она, пока есть в горле влага,
не без приюта.
Скрипи, перо. Черней, бумага.
Лепи, минута.*

Иосиф Бродский

Личность Иосифа Бродского не всегда была той харизматической фигурой, к которой постепенно и, на мой взгляд, совершенно напрасно приучают его читателей. Это вообще свойственно русскому литературоведению — каждый выдающийся поэт, добившийся положения на литературном Олимпе, немедленно теряет свой подлинный облик и становится фигурой, лишённой тени и теней. Именно в таком приглаженном, обстриженном виде он только и приемлем для школьной хрестоматии. Только в таком! Ибо в противном случае пришлось бы нарушить традиции великодержавности и государственности, которыми якобы движима всякая достойная восхваления и страниц школьного учебника поэзия.

С Бродским подобная процедура почти наверняка обречена на полный провал. Слишком многое в его поэзии несёт на себе отпечаток неприятия не просто коммунизма, но и изначально-

ных категорий российского фундамента и менталитета. И если в молодые годы, находясь под прессингом и контролем партийного аппарата и карательных органов, он, возможно, испытывал колебания, то, оказавшись на Западе, отпустил себя. Можно спорить о тех или иных особенностях характера и личности Иосифа Бродского. Но по меньшей мере одна — огромное чувство собственного достоинства, более того, гордость, ещё более того — гордыня, — сомнения не вызывает:

...Не обессудь
за то, что в этой подлинной пустыне,
по плоскости прокладывая путь,
я пользуюсь альтиметром гордыни.
Зимняя почта, 1964

Это чувство большого поэта было многократно ущемлено в России. И если бы дело касалось только лишь угроз:

Я трубку снял и тут же услышал:

Не будет больше праздников для вас
не будет собутыльников и ваз

не будет вам на родине жилья
не будет поцелуев и белья

не будет именинных пирогов
не будет вам житья от дураков

...

не будет вам ни хлеба ни питья
не будет вам на родине житья

...

не будет вам надёжного письма
не будет больше прежнего ума

Со временем утонете во тьме
Ослепнете. Умрётё вы в тюрьме.

Былое оборотится спиной,
подёрнется реальность пеленой. —

Я трубку опустил на телефон,
но говорил, разъединённый он.

Я галстук завязал и вышел вон.
Зофья, 1962

Но эта страна сочла необходимым пропустить поэта едва ли
не через все круги подведомственного ей ада:

Я входил вместо дикого зверя в клетку,
выжигал свой срок и кликуху гвоздём в бараке,
жил у моря, играл в рулетку,
обедал чёрт знает с кем во фраке.
С высоты ледника я озираю полмира,
трижды тонул, дважды бывал распорот.
Бросил страну, что меня вскормила.
Из забывших меня можно составить город.
Я слонялся в степях, помнящих вопли гунна,
надевал на себя, что сызнава входит в моду,
сеял рожь, покрывал чёрной толью гумна
и не пил только сухую воду.
Я впустил в свои сны воронёный зрачок конвоя,
жрал хлеб изгнания, не оставляя корок.
Позволял своим связкам все звуки, помимо воя;
перешёл на шёпот. Теперь мне сорок.
Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной.
Только с горем я чувствую солидарность.
Но пока мне рот не забили глиной,
из него раздаваться будет лишь благодарность.

Я входил вместо дикого зверя в клетку, 1980

Ретроспективный просмотр поэзии Бродского показывает,
как зрело в нём ощущение человека без Родины. Ещё в 1962 го-
ду (От окраины к центру) он провидчески смоделировал своё
будущее — своё полное отторжение:

Не жилец этих мест,
не мертвец, а какой-то посредник,
совершенно один
ты кричишь о себе напоследок:

никого не узнал,
 обознался, забыл, обманулся,
 слава Богу, зима.
 Значит я никуда не вернулся.

Слава Богу, чужой.
 Никого я здесь не обвиняю.
 Ничего не узнать.
 Я иду, тороплюсь, обгоняю.
 Как легко мне теперь,
 оттого, что ни с кем не расстался.
 Слава Богу, что я на земле без отчизны остался.

Поздравляю себя!
 Сколько лет проживу, ничего мне не надо.
 Сколько лет проживу,
 столько дам за стакан лимонада.
 Сколько раз я вернусь —
 но уже не вернусь — словно дом запираю,
 сколько дам я за грусть от кирпичной трубы
 и собачьего лая.

Эта боль и любовь к родному городу всегда соседствовали
 в его поэзии с воспоминаниями о горечи и унижении:

Я родился в большой стране,
 в устье реки. Зимой
 она всегда замерзала. Мне
 не вернуться домой.

...

Там был город, где, благодаря
 точности перспектив,
 было вдогонку бросаться зря,
 что-либо упустив.

Мост над замёрзшей рекой в уме
 сталью своих хрящей
 мысли рождал о другой зиме —
 то есть зиме вещей.

...

Виктор Финкель (1930 г. р.) живёт в Филадельфии, США. Опубликовал книги: «Поэты рубежа», «Дикинсон и Цветаева — общность поэтических душ», «Пятьдесят первая командировка», «Водопад смерти», «Любовь и сталь», «Любовь и сталь» (второе дополненное издание), «Орнамент физической лекции», «Портрет трещины» (на русском, английском, венгерском), «Мосты между американской и русской поэзиями», «Штрихи к портрету трещины», «Я люблю тебя, I», «Десант», ««Небеса небес» мои обетованные» «Мосты между американской и русской поэзиями» (второе издание).

Публикации в *The Emily Dickinson Journal*, *Russian Language Journal*, «Новое русское слово», «Слово/Word», «Шалом», «Заметки по еврейской истории», «7 искусств», «Кругозор», «Гостиная», «Мы здесь», «Литературный европеец», «Мосты», «Мастерская», «Зарубежные задворки», «Еврейская жизнь/община», «Навигатор», «Филадельфия», «Посредник», «Новый Континент», «Чайка».

Выступил с десятью докладами по вопросам литературоведения на всеамериканских конференциях AATSEEL (*American Association of Teachers of Slavic and East European Languages*), в том числе о творчестве Дикинсон, Цветаевой, Ахматовой, Пастернака. Одним из результатов исследований явилось обнаружение связи между поэзией Эмили Дикинсон, с одной стороны, и поэзиями Анны Ахматовой и Марины Цветаевой — с другой.

ISBN 978-1-960533-72-2

9 781960 533722